

Zulfira Altynbekova

Шпионка в кедах

приключенческая фантазия

Zulfira Altynbekova

Шпионка в кедах

«Автор»

2026

Altynbekova Z.

Шпионка в кедах / Z. Altynbekova — «Автор», 2026

Акробатка с травмированным коленом и дипломом эколога в кармане — комбинация взрывоопасная. Амели презирает правила, не выносит бюрократию и привыкла ставить систему на уши. Но когда из-за старой латунной свирели ее выдергивает из XXI века и швыряет прямо на пыльные улицы Верного 1913 года, привычные схемы дают сбой. Вокруг — двугорбые верблюды, дореволюционные околоточные, бородатые купцы и молодой принципиальный лесничий Ильяс, воспринимающий ее белые кеды и кислотную футболку как вызов общественной морали. Связи нет, вай-фай не ловит, а латунный артефакт отказывается работать на сброс. Чтобы выжить в чужой эпохе, найти способ вернуться домой и не попасть за решетку как «иностранная шпионка», Амели придется применить всю свою цирковую ловкость и дерзость. Только вот договориться с прошлым оказывается куда сложнее, чем сбежать от собственного настоящего.

© Altynbekova Z., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Zulfira Altynbekova

Шпионка в кедах

Глава 1

Гравитация отменяется

Слепящий, бьющий по глазам свет софитов. Гул и рев забитого до отказа зрительского зала. Под самым куполом цирка, на тонком, едва заметном тросе стояла Амели. Ей был двадцать один, на ней сиял расшитый пайетками костюм, но на ногах вопреки всем цирковым канонам красовались простые белые кеда. Амели с абсолютным, почти циничным спокойствием сделала самый сложный баланс на одной руке, зависнув над бездной. Внизу на мостике ассистент оступился, потерял равновесие и упустил крепежный трос. Снасть с оглушительным треском рухнула вниз. Трос с выжженной болью вырвался из ладоней Амели. Свист воздуха в ушах. Бешеное, свободное падение. Удар о деревянные ограждения арены, хруст сустава и мгновенное погружение в звенящую темноту... Спустя два года Амели сидела на самом краю массивного деревянного стола в особняке на Амангельды — бывшей Киргизской улице — закинув ноги в те самые поношенные белые кеда, в которых когда-то стояла под куполом, прямо на пачку экологических отчетов. Тот перелом поставил жирный крест на арене, но не на ее характере. Рядом с чашкой остывшего кофе лежал синий диплом эколога — ее новый выбор. В свои двадцать три она обладала стальным, пробивным характером молодой Скарлетт О'Хары, помноженным на цинизм городского борца за природу и ловкость бывшей эквилибристки. Рутинны она не боялась — она ее презирала. Воздух в старинном доме пах раскаленным за день алматинским асфальтом, терпкой горечью преющей сентябрьской листвы с уличных карагачей, плотной дымкой пробок с улицы Шевченко и дешевым растворимым кофе из стеклянной банки. Когда-то, в конце позапрошлого века, этот резной особняк архитектора Зенкова принадлежал известному лесоводу Эдуарду Бауму — человеку, который буквально за руку привел зелень в эти края. Теперь же в уютных анфиладах с высокими потолками размещался современный координационный офис природоохранных инициатив, курировавший склоны и ледники Медео и Шымбулака. На столе седьмой час висел удручающий мониторинг, полный багровых графиков истощения лесных зон. На углу лежала пожелтевшая черно-белая фотография дореволюционного Верного образца 1913 года — местный артефакт, забытый краеведом. На фото проступали пыльные улочки Киргизской, саманные хаты и массивные деревянные срубы. А на переднем плане важно вышагивал караван из двугорбых верблюдов. — Ну и домик у нас, конечно, с призраками, — хмыкнула Амели, крутя в пальцах тяжелую латунную свирель-артефакт, найденную утром в старом подвале под полом. — Полтора века назад здесь деревья сажали, а теперь мы спасаем то, что от них осталось. Задолбало. Она с легким раздражением постучала свирелью по лакированной крышке стола. В ту же секунду старинные бревна стен глухо за скрипели. Воздух в кабинете сгустился, зазвенел, как туго натянутая струна, и реальность вокруг резко дернулась, выворачивая пространство наизнанку. Экран телефона погас, свет лампы растворился, а пол ушел из-под ног с силой центрифуги. Последнее, что она услышала, прежде чем рухнуть в звенящую воронку времени, было смачное, презрительное фырканье — звук, с которым огромный верблюд выражает абсолютное презрение к бренному миру. Амели очнулась у запыленного окна мезонина особняка Баума. На улице внизу, по Киргизской, медленно, покачивая горбами, шествовали «корабли пустыни» — точно так же, как на пожелтевшей карточке из 2026 года. В этот момент сзади слышались шаги Ильяса — молодого помощника лесовода в аккуратном сюртуке, который с подозрением и лег-

ким испугом вытаращился на ее кислотную футболку и кеды. — Капец... — шепчет Амели, не отрывая глаз от окна. — Это же... один в один. Караван, забор, угол лавки. Я эту фотографию полчаса назад на своем столе разглядывала.

Ильяс хмурится, поправляя воротничок, и смотрит на нее как на душевнобольную:

— Какая еще фотография, барышня? Вы о чем? На дворе тысяча девятьсот тринадцатый год. Город Верный, Киргизская улица. И если вы сейчас же не объясните, кто вы такая и почему одеты как цирковой арлекин в краске, я позову городского. Амели медленно поворачивается к нему, скрещивает руки на груди и выдает с фирменным прищуром:

— Ой, только не надо мне сказок про тысяча девятьсот тринадцатый, ладно? Я только что сидела за столом на Амангельды, пила паршивый кофе, и сдаётся мне, что это тот самый особняк Баума. Так что давай без драмы. Где здесь у вас можно зарядить телефон и выпить нормальный раф? Ильяс замирает с открытым ртом. Когда он вновь стал грозить ей городовым, Амели с раздражением вытащила из кармана бомбера маленький белый кейс от давно разряженных наушников и с силой швырнула его на пол. Кейс звонко отскочил от досок и покатился к сапогам ошарашенного Ильяса. — Вот тебе твои «высокие технологии», мастер-помощник! — зло выдохнула она. — Ни тебе интернета, ни связи, ни даже нормального эспresso! И ты хочешь сказать, что я должна поверить, будто застряла в прошлом веке из-за какой-то дурацкой латунной дудки?! Ильяс медленно наклонился, поднял кейс, покрутил его в пальцах и осторожно спросил:

— Это... реликвия какого-то языческого культа? Вы — колдунья? Амели закатывает глаза:

— Ага, верховная жрица ордена разряженных батареек. Так что брось свою панику, сударь, и лучше соображай, как мы будем возвращать меня обратно, пока я тут окончательно не одичала без цивилизации. Ильяс, заметив предмет в её руке, цепляется за него взглядом:

— Погодите-ка... Эту штуку на прошлой неделе принес старьевщик со скитского базара. Сам Эдуард Оттонович хотел передать её в музей Семиреченского общества. Откуда она у вас? Вы что, обокрали кабинет лесовода? Амели опускает взгляд на латунь и до нее начинается доходить глубина влипания:

— Никого я не грабила, умник. Я её из подвала выкопала. И если эта дудка меня сюда затащила, то она же должна вытащить меня назад. Ну-ка, каков тут алгоритм сброса? Она начинает яростно трясти латунную трубку, словно сломанный пульт от телевизора. Ильяс наблюдает за этим с суеверным ужасом, окончательно убеждаясь, что перед ним опасная бунтарка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.